

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ПРИ ЖУРНАЛЕ „ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК“

№ 18

25 СЕНТЯБРЯ

1 9 3 6

„Ч Е Х О В - Д Р А М А Т У Р Г“

М. ПАРХОМЕНКО

Значение драматургической деятельности Чехова в истории русского театра огромно. Появление его драм означало возникновение нового творческого направления в русском театре. Принципиальное отличие этого направления от всей современной ему драматургической и театральной традиции было так велико, что оно не могло не вызвать ожесточенных творческих боев, в процессе которых вырос и окреп московский Художественный театр.

Поэтому заслуживает всяческого одобрения та задача, которую поставил автор рецензируемой книги: «Определить основные вопросы, связанные с возникновением и последующей литературной и сценической историей драм Чехова, тем самым дать характеристику главных вех драматического пути писателя от юношеской драмы «Безотцовщина» до «Вишневого сада», поставив эти вехи в связь с социально-политическими предпосылками эпохи» (стр. 3).

Книга С. Балухатого содержит много ценного материала, извлеченного из газет, журналов, писем и мемуаров современников.

Подбор материала, освещающего полемику вокруг каждой пьесы Чехова, сделан отлично. С. Балухатый собрал

С. БАЛУХАТЫЙ. — Чехов-драматург. М. Гослитиздат. 1936. Стр. 319. Тираж 5 300. Ц. 3 руб., переплет 1 руб.

высказывания людей самых различных политических убеждений и литературных вкусов. Весь этот материал очень ярко характеризует общественную, литературную и театральную атмосферу, в которой утверждалось новое направление.

Особенно интересна в этом смысле первая глава, посвященная драматургии 80-х годов и отношению Чехова к ней. По содержанию это — наиболее значительная глава всей книги. Только на фоне явного упадка русской сцены можно понять и возникновение, и огромное значение деятельности Чехова. Но, к сожалению, этот, так сказать, исторический принцип выдержан в книге не до конца. Собственно драматургическая деятельность Чехова и сценическая история его пьес изложены в отрыве от дальнейших судеб русского театра, книга не выясняет места чеховской драматургии в репертуаре Художественного театра, не выясняет и соотношения чеховской и горьковской линий в нем, что для понимания идейных достоинств драматургии Чехова и роли ее в истории русской общественной мысли конца XIX — начала XX столетия совершенно необходимо.

В разборе сценической истории отдельных пьес есть ряд недостатков. Так, например, отрицательное отношение мещанско-буржуазных консервативных кругов к постановкам пьес Чехова в Художественном и Александринском театрах С. Балухатый объясняет, главным образом, только новизной формы пьес, отрицательное отношение театральной критики к «Лешему» объяснено только тем, что «театральная публика и театральный обозреватель привыкли реагировать положительно лишь на выработанные, повторяющиеся шаблонные приемы этой (традиционной.—М. П.) реалистической поэтики». Теми же причинами объясняется и провал «Чайки», тематический материал которой, по мнению автора, «не выходит за пределы узкой «любвонной» темы в условиях обывоченной и повседневной жизни интеллигентного круга лиц».

Но сценическая история пьес Чехова может быть выяснена более обстоятельно и верно лишь в том случае, если она будет поставлена в неразрывную

связь с более углубленным рассмотрением их идейных сторон, если она будет объясняться конкретно-исторической обстановкой общественно-политической борьбы в период подготовки событий, предшествовавших революции 1905 года и последовавших за ней.

С. Балухатый, несмотря на намерение придерживаться этой точки зрения, отступает от нее в практическом анализе.

Рассматривая пьесу «Иванов» и отмечая, что пьеса «на московских спектаклях этого театра и на гастрольных спектаклях в Петербурге весной 1905 года имела большой сценический успех», С. Балухатый ничем не объясняет этого интереса к ней, тогда как этот успех пьесы следовало бы поставить в определенную зависимость от настроений в кругах интеллигенции, вызванных расстрелом рабочих в январе 1905 года.

Рассматривая художественные принципы драматургии Чехова, автор отправляется, в общем, от правильных позиций, указывая на то, что «в общих чертах особенности драматического стиля этих пьес сводились к разработке средствами импрессионистического письма реалистического и психологического планов пьесы, в которых показаны не насыщенные действием и сюжетно крепко схваченные жизненные драмы, а лишь отдельные сцены, эпизоды из общего потока жизни» (стр. 178). Но автор недостаточно четко отделяет реализм Чехова от «реализма» драматургии 80-х годов: «Чеховым утверждалась позиция «реалиста», но с обязательным обновлением драматического письма, его материальной, тематической и технической стороны... Отправляясь от резко отрицательной характеристики современной реалистической драматургии, Чехов намечал пути обновления драматического письма в пределах бытовой и психологической тематики той же реалистической драмы» (стр. 51—52).

Здесь необходимо отметить, что в отношении драматургии 80-х годов речь может идти не о реализме, а только о натурализме.

Старый бытовой реализм, нашедший свое высшее выражение в драматургии

Островского, вырождается в эти годы в крайний натурализм. Выше драматургии Островского буржуазное сознание подняться не могло; эпигоны Островского лишь добросовестно копировали жизнь, разбавляя натуралистические описания морализацией в духе ограниченных буржуазных добродетелей.

Принципиальное отличие художественного стиля пьес Чехова идет именно по линии реализма. Автор не сумел сделать достаточных выводов из высказывания А. М. Горького о Чехове: «Другие драмы не отвлекают человека от реальностей до философских обобщений—ваши делают это» (стр. 174).

Заслуживает решительных возражений также характеристика композиционных особенностей пьес Чехова и «способов выражения психического содержания выведенных в пьесах лиц». Так, например, в «Чайке» первой и главной особенностью композиции С. Балухатый считает «простейшую фабулу с такой сценической схемой, в которой не было бы элементов, не участвующих, хотя бы в скрытом виде, в том или ином отношении в движении пьесы» (стр. 135).

Но обязанность исследователя состояла в данном случае не в том, чтобы оправдывать Чехова тем, что «в том или ином отношении» и «хотя бы в скрытом виде» все эпизоды или, как говорит С. Балухатый, «элементы сценической схемы» участвуют в движении пьесы. Задача исследователя состояла в том, чтобы показать, в каком именно отношении и каким образом в драмах Чехова ряд эпизодов, внешне не всегда прочно связанных, образуют и психологическое и художественное единство. Этого т. Балухатый вообще не сделал в своей книге.

Автор не сумел правильно и до конца понять соотношение средств импрессионистического письма Чехова с его реалистическим методом. Именно это должно было быть основным в анализе художественных приемов Чехова-драматурга. Это должно было привести к установлению отличительных особенностей чеховского «импрессионизма», содержащего стремление к глубочайшему раскрытию именно психологического содержания персона-

жей, и не «скупо намеченными индивидуальными признаками внутренних качеств» (это можно сказать только об отдельных, да и то второстепенных героях, например: Шамраев, Дорн и им подобные), а разнообразнейшими эмоциональными приемами.

И то, что С. Балухатый обошел этот вопрос молчанием, не дало ему возможности четко определить жанр чеховских пьес. «Его драма настолько сложна совокупностью своих внутренних и внешних признаков, что она трудно определима в жанровом отношении. Если по смысловой, идейной направленности ее нужно считать драмой социальной, то по материалу и построению, по раскрытию на сцене бытовых отношений с ослабленной сюжетной линией, она может быть определена как повествовательная драма, господствующая же в ней экспрессивная форма позволяет считать ее драмой лирической» (стр. 282).

Недооценка идейного диапазона пьес Чехова, смешение его реализма с натурализмом драматургии 80-х годов, неумение правильно и до конца понять соотношение реализма и импрессионистических приемов в драматургии писателя, таким образом, накладывает свой отпечаток и на эту часть книги.

Отдельные художественные приемы возводятся в степень принципиальных, определяющих жанр, и драмы реалиста Чехова, всей своей идейной зарядкой и всей своей «лирикой» и «психологией» сосредоточенные на осмыслении мучительных общественных противоречий, на стремлении найти определенные пути их решения, в книге тов. Балухатого выступают то как «лирические», то как «повествовательные».

Резюмируя сказанное, нужно отметить, что книга ценна, главным образом, потому, что содержит богатый фактический материал, освещающий полемику вокруг пьес Чехова в годы их появления.

Однако выводы исследователя, вообще занимающие мало места в книге, — слабы и в понимание литературного наследства Чехова существенно нового не вносят.